

An aerial photograph of a sandy beach. In the lower-left foreground, a large, dark blue beach towel is spread out. To the right of the towel, the lower legs and feet of a person are visible, standing on the sand. The background shows the vast expanse of the beach leading to the ocean under a clear sky.

Анна Яковлева

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

МОСКВА - КИПР - МОСКВА

18+

Анна Яковлева

Шестое чувство

«Автор»

2012

Яковлева А. Я.

Шестое чувство / А. Я. Яковлева — «Автор», 2012

ISBN 978-5-532-09233-4

Антон Квасов, демобилизованный по ранению офицер, считал свою беременную соседку Серафиму клинической идиоткой. Но после того, как помог ей при родах третьего ребенка, мыслить ее чужой не получалось, установка "чужак - враг" сбилась. К тому же Серафима стала с завидной регулярностью попадаться на жизненном пути мрачного, задиристого и пьющего ветерана чеченской кампании, в медицинской карточке которого психологом вписан безнадежный диагноз: «Синдром участника военных действий». До встречи с Серафимой и ее детьми диагноз устраивал Квасова и не вызывал желания изменить жизнь ...

ISBN 978-5-532-09233-4

© Яковлева А. Я., 2012

© Автор, 2012

Содержание

АНТОН	6
СИМКА	12
ЮЛИЙ	17
РУСЛАН	21
МАДИНА	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анна Яковлева

Шестое чувство

Любые совпадения с реальными людьми, компаниями, событиями случайны.

АНТОН

В просветы садовой беседки заглядывали любопытные солнечные лучи, с разбега плюхались на стол, путались в ярко-оранжевом букетике календулы и окончательно вязли в сахарно-розовой мякоти арбуза.

Теплый ветер сдувал с желто-белых застенчивых цветков жимолости и разносил по саду пьянящий аромат, на который слетались осы.

И вдруг какая-то угрожающая тень вторглась в эту пастораль.

В следующую секунду Антон понял, что придется принимать бой, залег и стал отползать, высматривая позицию для стрельбы.

– Алкаши проклятые, житья от вас нет. Повсюду морды синие, куда ни плюнь, – донесся извне чей-то плаксивый голос, и Антона отшвырнуло взрывом.

Рефлексы никуда не делись. Квасов сгруппировался, подскочил и... проснулся, обнаружив себя на скамейке во дворе родной многоэтажки, в нескольких десятках метров от собственной жилплощади. Если учесть, что накануне Антон набрался по самые брови, то эти несколько метров не в счет. Главное – направление взял верное.

От пребывания на твердой скамейке тело затекло и не слушалось, и, чтобы сесть, пришлось собирать себя по частям.

Молочный предутренний туман занял без боя двор и скамейку, взял в плен и продолжился в голове, что создавало некоторое неудобство – мешало навести резкость. По этой причине Квасов не сразу опознал угрозу.

«Угрозой» оказалась сущность женского пола в цветастом халате.

Сущность была растрепанной, бледной, отечной, с заплывшими глазками и распухшими губами, с коричневыми разлитыми пятнами на щеках и выглядела примерно как он сейчас. Но он-то, понятное дело, с бодуна. А она?

Глаза Антона сползли с лица особи и зафиксировались на двух пуговицах на уровне талии. Пуговицы с видимым трудом сдерживали натиск огромного живота.

В голове Антона взрывались десятки петард, но ему все же удалось идентифицировать особь: мадам жила в его подъезде, то есть была практически соседкой.

Так близко практически соседку Антон ни разу еще не видел и с некоторым удовлетворением отметил, что барышня – не совершенство. Хотя, он слышал, такое с беременными случается. Пятна потом проходят. Пигментация называется.

Если убрать пятна и отеки – может нормальная телка получиться. Пардон – дамочка.

Вообще-то сейчас к таким обращаются «девушка». Правда, как успел заметить Антон, все зависит от внутренних часов.

Если человеку суждено прожить долгую жизнь, то он и выглядит долго молодым и наивным. И наоборот – тот, кому судьбой отмерен короткий век, взрослеет раньше и стареет тоже быстрее. Например, Александр Невский в пятнадцать лет выглядел как зрелый мужчина и жизнь прожил яркую, но короткую, хоть и благоверную.

Впрочем, о чем это он?

Квартира Антона находилась на первом этаже, и из окна кухни он частенько наблюдал, как беременная проплывала по двору в сопровождении девочки лет пяти. А недавно Антон засек еще одно чадо, видимо старшую дочь. Старшей было лет десять, хотя на глазок определить возраст ребенка Антон бы не взялся, поскольку был, что называется, не в теме.

Так или иначе, выходило, что соседка готовилась стать мамашей в третий раз – факт, который у Антона вызывал почтительный ужас.

– Здравствуйте, – попытался быть любезным Антон, хотя в глотке было как в пересохшем колодце и каждое слово приходилось вытаскивать щипцами, – это я вчера перебрал немного, вот, значит. С друзьями посидели. Вот, значит.

Антон скромничал. Результаты двухдневной попойки были ошеломляющими...

...Первого августа Александру Чеснокову, как значилось в паспорте, стукнуло тридцать три.

День рождения у Саньки первого августа, значит, а День воздушно-десантных войск – второго.

День рождения отмечали в гараже.

Душевно так сидели: Вовка Чиж – одноклассник Саньки, финансовый гений и заядлый охотник, виновник торжества Чесноков, которого иначе как Чеснок никогда не звали, он – Антон Квасов, Леша Малышевский (однополчанин Антона) и... и все. Нет. Был кто-то еще, дай бог памяти...

А! Витек Плотников – «контрабас», потерявший друга в Югославии. Витек служил по контракту не столько из-за денег, сколько по идейным соображениям.

Да, так вот. Витька зачем-то притащил никому не известного Жорика, с которым они в горах отбивали разведгруппу у «чехов».

Из-за Жорика все и началось.

Жорик служил в спецназе МВД и недавно надел краповый берет. Краповый был мелким, но резким: литые мышцы перекачивались под майкой при малейшем движении, даже привычные ребята отводили глаза. Говорить ни о чем, кроме войны, Краповый не мог и почти сразу стал задирается.

– Ну? Не в дорожном батальоне я служу, и чё? Кто там был, тот поймет, – начал пьяный базар Жорка.

Антон с ребятами только переглянулись. Зачем быковать в чужой компании? Жорика культурно намекнули, заткнись, мол, а то вынесем.

Так нет же, этот бык и не подумал остановиться.

Понес какую-то околесицу, якобы СССР проперли армейские.

– Хватит пургу гнать, – по-доброму посоветовал гостю Саня Чесноков, – мы еще не забыли, что такое честь, а менты – жлобье одно, давно продались.

От обиды за родное ведомство у Крапового глаза побелели.

– Да вы армию растащили, эшелонами оружие на Ближний Восток гнали. Каналы наркоты наладили из Афгана! – брызгая слюной, прохрипел он.

– А вы, конечно, за наградами под пули лезете на Кавказе!

И понеслось...

Естественно, дошло до рук.

Краповый размялся на имениннике – свалив вероломным ударом слева, потом навешал Вовке, и только после этого Лешка и Витек смогли скрутить верткого и тугого Жорку.

Антон сунулся, но его тут же сбили с ног. С ноги, если быть точным.

Отлетев в сторону, Антон зацепился за колченогий стул и удержался от падения, но в процессе даже протрезвел – так испугался. Не за себя! За биопротез – ступню капитану Антону Квасову раздробило фугасной миной под Цхинвалом, и профессор, хирург от Бога, собирал осколки четыре часа. После операции левая нога стала короче правой, и Квасов заметно прихрамывал.

Оседлав этот подвернувшийся стул, Антон поддерживал своих голосом, скандировал:

– Десантура, бей ментов! Никто, кроме нас!

Завидовал братишкам, что еще могут всыпать такому чертяке здоровому, этому Жорке.

После драки стали мириться, и водки, как водится, не хватило.

На поверку Жорка оказался нормальным пацаном, не из блатных. Как прирожденный диверсант, среди ночи за шесть секунд организовал закуску и выпивку, и братишки просидели до утра. Вспоминали, когда, кто и какую высоту штурмовал, кто, где и как покуражился.

Утром второго августа опохмелились пивом, и внезапно всех захватила идея выдвигнуться на площадь. Вызвали такси и поехали в центр.

На площади возле мэрии с глупыми рожами толпился мирняк – гражданские, значит. Плотным полуколыцом обступили пятачок, на котором давали показательные выступления десантники.

Бойцы демонстрировали приемы рукопашного боя для мальчишек из военных клубов, разбивали доски и кирпичи...

Ветер шевелил еще зеленую, но уже подсушенную листву, гнал по небу облака, закручивал пыль под ногами, навевал волчью тоску. Пиво повторили.

С этого места воспоминания путались.

Откуда-то взялся автобус для желающих принять участие в пейнтболе. Вся компания дружно пожелала.

Оказалось, в программу праздника включено «освобождение заложников» из реквизитного железнодорожного вагона.

Услышав холостые выстрелы, нетрезвые братишки сначала присели, а после того, как из автобуса вылетела «срочная бандероль» в виде дымовой гранаты, Жорка с Витькой натурально «залегли». Хорошо еще, окапываться не стали.

Народ крутил пальцами у виска и отпускал шутки, так что в итоге пришлось идти в атаку.

В памяти Антона замелькали какие-то гопники, потом – о не-ет! – дежурный наряд...

Документы обнаружили только у Жорки, но старший наряда, подполковник МВД, оказался свой, из тех, кто тоже не по-детски отметил «за речкой» (имеется в виду Аргун).

Подполковник оперативно всех загрузил в милицкий уазик и доставил со всем своим уважением на озеро, в летнее кафе, на тот момент уже закрытое, что не помешало разухабистой компании преодолеть декоративное ограждение и разложить на столике под «грибком» вяленого лещика, пиво и водку.

Что было потом, Антон помнил фрагментарно.

Опять пили, обнявшись, горланили «Расплескалась синева, расплескалась, по тельняшкам разлилась, по погонам...». И ком в горле, который не хотел проглатываться, Антон тоже помнил.

Из рваных воспоминаний выплывали какие-то девочки...

На то, чтобы вспомнить, нужно было время, а беременная соседка отвлекала – держалась за живот, и вид у нее был какой-то ненадежный, будто вот-вот рожать начнет.

Антону захотелось поскорей смыться. Он ощупал карманы: деньги (громко сказано, так, мелочишка), ключи – все на месте. Порядок. Значит, сейчас он, капитан Антон Васильевич Квасов в отставке, герой кампании 1996 года, участник принуждения Грузии к миру (читай, причинения добра), с достоинством покинет гостеприимную скамейку и доковыляет до подъезда под взглядом матери-героини.

Каламбур показался Антону удачным, он фыркнул, косясь на изящные щиколотки беременной дамочки. Именно в этот момент по ногам дамочки побежала зеленоватая водица.

Вот так номер.

...Под утро Серафима начала задыхаться. Старалась дышать полной грудью, а ничего не получалось. Как если бы ее мучила сильная жажда, а воду ей давали пить из пипетки.

В состоянии вялотекущего ремонта она с дочерьми жила уже пятый месяц, и кондиционер так и не установили. В квартире дышать было абсолютно нечем, на остекленном балконе с противомоскитными сетками легче тоже не стало.

Хотелось ветра, а на улице был полный штиль, двор тонул в тумане: вязкий, предрассветный, он поглощал малейшее движение воздуха.

В поисках кислорода Сима решила спуститься во двор, посидеть на скамейке, однако, выйдя из подъезда, от разочарования чуть не разревелась: единственную скамейку, круглосуюточную собственность патриархальных старушек, занимал нахальный бомж.

При ближайшем рассмотрении бомж оказался молодым мужчиной немного за тридцать, хотя наверняка сказать было трудно. Мужчина спал в позе усталого путника, вытянув одну руку, поджав одну ногу. Шел, бедный, шел и рухнул.

Камуфляжная куртка на груди усталого путника была распахнута, край свисал, открывая тяжелый нагрудный карман. Может, не бомж?

Держась на расстоянии, Сима обследовала заросший темно-русый бобриком череп, пучок седины прямо на темени, будто парня мазнули серебрянкой, густые брови, длинные, как у дочери Татьяны, ресницы. Рыжая щетина вступала в противоречие с темно-русым бобриком, а большие, красивой формы руки с небрежно остриженными ногтями не вязались с помятой рожей.

Сплюснутая физиономия показалась Симке знакомой: «Кажется, живет здесь это чучело», – вспомнила она.

– Алкаши проклятые, житья от вас нет. Повсюду морды синие, куда ни плюнь. Развалился тут. – Симка приблизилась и со злостью толкнула тело. – Может, встанешь?

Тело вскочило так резво, что Симка прикрыла ладонками живот, отпрянула и тут же почувствовала тупую боль в пояснице.

Начав издали и осторожно, боль осмелела, обняла и скрутила.

Не успела Симка перевести дыхание, как по ногам потекло.

Парень проворно отодвинулся к дальнему краю скамейки:

– Ты чё?

– Воды отошли, – растерянно констатировала Сима, поддерживая живот, – помоги.

– Э, ты чё? – затравленно повторил подгулявший сосед, предательски зеленая.

– Не «чё», а помоги, проводи меня домой, – оборвала праздные разговоры Сима, мимоходом отметив, как зелень разлилась по мятой физиономии и сконцентрировалась над верхней губой. Только этого не хватало для полноты ощущений – приводить в чувство недоумка.

Пришлось прикрикнуть:

– Ну?

Парень поднялся со скамейки и оказался намного выше Симки. Небритый, дикий, худой, он тем не менее обладал особым мужским обаянием. Несмотря на критическое состояние, Симка сразу это почувствовала и поняла, что такому можно довериться. С этой мыслью вцепилась в камуфляжный локоть и чуть не упала – ненормальный отшатнулся, потянув ее за собой.

– Осторожно! – взвыла Симка.

– Пусти, – прохрипел сосед, дышнув парами спирта.

Симка сморщила нос и брезгливо отвернулась, но даже не подумала отпустить, наоборот – вцепилась обеими руками:

– Нет! Я не дойду!

– Возьмись за другой локоть, – велел сосед, – успокойся, не паникуй. Сейчас обойду тебя, возьмешься за другую руку. Поняла? – Властный голос (откуда что взялось) подчинил Серафиму, она коротко кивнула.

Пьянчужка с командирскими задатками обошел Симу со спины, оказался с другой стороны, подставил локоть:

– Хватайся.

И они заковыляли к подъезду: Симка – сведя колени, мелкими шажками, страшась не донести плод, и сосед – прихрамывая на левую ногу.

На крыльце перед подъездом роженица закусила губу и скорчилась от боли.

– Ты чё? – опять потерялся любитель сна на открытом воздухе. – Ты прекрати это!

– Ага, – выдохнула Симка, вытирая испарину с лица, – сейчас прямо и прекращу.

В лифте сосед с нескрываемым страхом поглядывал на Симку, как на неразорвавшуюся гранату.

Пока ехали, боль отступила, и Сима на всякий случай решила уточнить:

– Ты, кажется, в нашем доме живешь?

– Да, – мотнул головой сосед, стараясь дышать через раз, – на первом этаже, в четвертой квартире.

– Тебя как зовут?

– Антон.

– А меня Сима. У тебя дети есть?

– Нет. Я не женат, – оградил себя от подозрений Антон.

– Слушай, Антон, – обратилась к соседу Сима, когда они вышли на предпоследнем, девятом этаже, – постой здесь, а то мне что-то не по себе.

Симка вставила ключ в замочную скважину и просительно посмотрела на Квасова.

– Подожди, а где твой муж? – Сосед так явно трусил, что сам нуждался в комплексной медицинской помощи – нарколога и психолога.

– Муж далеко.

– Как это?

– Ну, так, он работает на севере, – шепотом отозвалась Симка, открыла дверь и кивком пригласила соседа внутрь.

Вдохнув смесь приглушенных запахов еще не выветренной краски, обойного клея и почему-то детского сада, Квасов остался стоять на коврике у порога, а Симка исчезла в одной из комнат.

В незнакомой обстановке Квасов доверялся чутью.

Судя по запаху и несметному количеству туфель и сандалий каких-то диснеевских размеров, форм и расцветок, с бантиками, брошками, пряжками, со стразами и без, лакированных и матовых, ничего опасного в квартире не было.

Ни одного намека на присутствие мужчины. На вешалке наблюдались только вещи из летнего женского гардероба: разноцветные кофточки, соломенные, ажурные и кружевные панамы и шляпки.

«Как можно где-то болтаться, на каком-то севере, если жена должна родить?» – с неприязнью подумал Квасов и для себя оценил такое поведение как козлиное.

– Что ж он не приехал к... сроку? – набросился на Симу Антон, как только она появилась в зоне видимости.

Симка успела причесаться и переодеться, теперь вместо халата на ней было свободного кроя бледно-сиреневое миленькое платье в горошек. Антона на секунду смутила мысль, что соседке очень идет живот и в этом платье выглядит она просто замечательно. Прямо услада взору. «Повезло этому козлу», – снова мелькнуло в голове.

На смену этой мысли пришла другая, совсем уж грустная: а ведь у него, Антона Квасова, этого ничего не было.

Не было беременной от него женщины, которая вот так носила бы его сына (дочь Антон сразу вынес за скобки), терпела боль и заставляла волноваться о себе и ребенке. Интересно, какой на ощупь живот?

Внезапно Антону стало по-детски любопытно: что сейчас происходит в утробе, кто там? Что чувствует? Младенца ждут испытания, можно сказать, он готовится к бою, что он делает в эти последние мирные минуты? «Проверяет боекомплект?» – хмыкнул Квасов. Наверное, сосет палец, чтобы успокоиться... Знал он ребят, которые ногти грызли перед делом.

– Слушай, тебе не все равно? – предчувствуя следующую схватку, отмахнулась Сима. – Работа у мужа ответственная. Я вещи соберу, скорую вызову и тетке позвоню. Тетка приедет через час-полтора. Посидишь с дочкой, чтобы она не испугалась?

– Я?!

– А ты еще кого-то здесь видишь? – нашла в себе силы съязвить Симка, направляясь в ванную. – Да не трясись ты так, она же не грудная! Старшая сейчас в лагере, а младшей пять лет, просто еще одна не остается – боится. Тетка приедет – уйдешь.

Сима замедлила шаг, прислонилась к стене – воздух в легких кончился, уши заложило. Задышала открытым ртом, часто, как рыба.

Антон выкатил глаза:

– Эй-эй, ты чего?!

– Вызывай скорую, – посиневшими губами попросила Симка и стала оседать.

– Епэрэсэтэ, – процедил сквозь зубы Антон, подхватывая многодетную мамашу.

СИМКА

...Симка рассматривала люстры уже минут двадцать.

Охранник Николай, полагающийся Симке по статусу жены-почти-что-олигарха, стоял, сцепив руки под животом, обшаривал покупателей рентгеновским взглядом на предмет ношения оружия. Мало ли что, столица округа все-таки!

Симка пару раз в месяц совершала набеги на столичные магазины, брала реванш за босоное голодное детство, за униженную безденежьем юность и оскорбленную нищетой молодость.

Деньги. Наконец-то у нее были деньги! Ну, не у нее, а у мужа, но в понимании Серафимы это было одно и то же.

Пять лет замужества за почти-что-олигархом Юлием Юном развратили Симку, она разучилась себе отказывать, начиная с фамилии Юн-Ворожко.

Фамилия Ворожко – отрывка от первого брака, о котором остались не самые приятные воспоминания, – сочеталась с Симкиной славянской внешностью, а фамилия второго мужа – Юн – сочеталась с реальностью и добавляла пикантной загадочности и изысканности и тому и другому – внешности и реальности.

...За Леонида Ворожко Симка пошла замуж не по любви, а «по обстоятельствам» – так стыдливо называли беременность мама и мамина сестра Наина.

Ленчик был на три года старше, учился в техникуме и добивался Симку, как единственную, уцелевшую после набега варваров девственницу.

Отвадил всех школьных недопесков, шагу не давал ступить, караулил сам и дружков просил докладывать, если что-то увидят или узнают. Как волчицу на охоте, Симу гнали в объятия Ленчика.

Сколько физиономий было расквашено, сколько носов сломано – статистика умалчивает, известно только, что дружки со всей ответственностью отнеслись к Ленкиной просьбе.

В общепринятом понимании Симка, может, и не была красавицей.

Заостренный нос с тонкими, трепетными ноздрями и карие, с янтарем лисьи глаза добавляли в лицо хищной дикости, которая усиливалась вероломной улыбкой, мягкими, кошачьими движениями, узкой костью и длинными ногами.

Ко всему прилагались светло-русые волосы и кожа цвета испуганной нимфы.

Но природе показалось этого мало, и в эту форму она поместила вулканический темперамент. Сочетание оказалось зубодробильным.

Если бы не Ленчик Ворожко, девяносто девять из ста, что Сима оказалась бы на содержании у какого-нибудь вора в законе, с учетом украинской ситуации.

Справедливости ради надо сказать, Леонид Ворожко хоть и не очень чтит Уголовный кодекс и взял Симку силой, однако на совершеннолетие.

Свадьба вышла жиденькой и грустной.

Жених был известен буйным нравом, и мать ревела белугой, уговаривала избавиться от ребенка.

– Дура ты, Симка, дура, – сокрушалась пьяненькая Валентина, – училище хоть какое-нибудь закончила бы, диплом бы хоть какой получила, а то ведь так и останешься на всю жизнь подстилкой для мужиков.

Симка была не очень высокого мнения о матери: та после гибели отца в автокатастрофе любила поддать, да и про подстилку – с большой головы на здоровую валила.

Но материнские слезы на свадьбе – не к добру.

Через семь месяцев Леонида посадили за драку: муженек выбросил с балкона своего закадычного дружка.

Балкон этот располагался в квартире у Алки, разбитной, не первой молодости одинокой бабенки, и как на том балконе оказался молодожен – осталось невыясненным.

Пострадавший отделался переломом обеих ног, но заявление забрать наотрез отказался, и Ленке дали год колонии общего режима.

Симка как раз ходила на последнем месяце, и после родов мать с сестрой Наиной забрали молодую мать из роддома с условием, что она подаст на развод.

– Ленчик и так зверь зверем, а после тюрьги совсем убийцей станет. И вообще, давай собирай малую, поедem к дядьке на север.

Симка пришла в ужас:

– На север? С ребенком?

– А на что жить будешь, горе ты мое? – прибегла к шантажу Наина.

– Не поеду, – уперлась Симка, – на хлебе и воде сидеть буду, а не поеду.

Мать с сестрой посовещались и плюнули:

– Черт с тобой, оставайся, будем деньги тебе посылать, сколько сможем.

Девятнадцатилетняя Серафима Андреевна Ворожко с младенцем осталась на Украине, а мать с сестрой снялись с обжитого места и укатили на север, на нефтепромыслы.

От Леонида из колонии приходили письма, но Симка прочитала только одно – ей хватило: бывший супругник рекомендовал свидетельство о разводе засунуть в одно место.

Так началась взрослая жизнь.

В целом все складывалось удачно. Симка была сама себе хозяйка и без надрыва вживалась в роль соломенной вдовы – матери-одиночки, но вольница кончилась, когда позвонила Таисия Федотовна – Ленкина мамаша.

– Сима, Леня просил передать, что он считает тебя своей женой, и обещает вести себя хорошо, – доверительно сообщила свекровь, со свадьбы не подававшая о себе вестей, – и вообще, он сильно переменился.

А через неделю Леонид осчастливил семью присутствием.

Симка увидела бывшего в дверной глазок и затряслась.

– Открой. Дай хоть на дочь посмотри, – вполне мирно попросил Ленчик.

Танечка к отцу пошла, не испугалась, и Симка, истосковавшаяся по мужским рукам, уступила Ленчику по первому требованию.

Поначалу с работой Ленке не везло, он ходил мрачный, злой, Симка боялась мужа до обморока, потому что таким же мрачным и злым был секс, которым они занимались. Назвать это любовью язык не поворачивался. У Симки, при всей ее отзывчивости, чуть не развился синдром жертвы.

Но свекровь через знакомых устроила сына в автосервис, и жизнь стала налаживаться. Времени на секс у Ленки оставалось мало, Танечку определили к няньке, Симка пошла на курсы бухгалтеров и через полгода получила корочку.

Работу искать даже не пришлось. Ленчик поспособствовал, жену взяли кассиром в тот же автосервис.

В мужском коллективе на кассиршу засматривались, и мужу стали приходить в голову разные неприятные мысли.

– Дура! – отводил дома душу Ленчик. – Смотреть на тебя противно. Для кого вырядилась? Задом вертишь перед мужиками, как последняя сучка. Узнаю что – придушу.

– Ничем я не верчу, – дулась Симка, – и не виновата я, что у меня есть зад.

С фактами не поспоришь, и Ленчик затыкался.

Но Серафима Ворожко (чего уж там!) вертела-таки своим чертовски соблазнительным задом.

Постепенно Симка поняла, в чем ее сила. Гибкость и изворотливость, неунывающий характер, умеренное легкомыслие – именно этим она привлекала в большинстве своем негибких, неизворотливых и унылых представителей сильного пола.

На Симкин зад, упругий и круглый, как у Ким Бейсингер, запал директор автосервиса.

На одном из корпоративов, если так можно назвать обычную пьянку, приуроченную ко Дню автомобилиста, стареющий ковбой склонил кассиршу к сожительству, предложив на выбор: увольнение или место бухгалтера.

Симка все же не была лишена романтики, и домогательства босса ее оскорбили.

Первое желание – пожаловаться мужу – Симка задавила в зародыше. Не нужно много ума, чтобы понять: из этой затеи ничего, кроме второго срока Ленчику, не выйдет.

Серафима дернулась было уйти, но экономика издала тихий предсмертный стон, и, стиснув зубы, Симка уступила.

Место бухгалтера, на счастье, не освободилось, а вялотекущие отношения с боссом продолжались еще четыре года.

Через четыре года руководство автосервиса легло под бандитов – согласилось прятать угнанные машины, перебивать номера на двигателях и переправлять тачки в Чечню. Первым, кого босс пристроил к делу, был Ленчик. Как особо благонадежный.

Симкин муж сделался невыносимо нервным и угрюмым, но деньги примиряли супругов друг с другом и с действительностью. Правда, недолго.

Одна из угнанных машин оказалась собственностью сына прокурора области, и автосервис накрыли.

Леониду светило пять лет с конфискацией, бухгалтеру и директору – десятка. Симка тряслась от страха днем, а ночами вывозила из дома и рассовывала по подружкам бытовую технику и золото.

В разгар всех этих событий тетка Наина позвонила и объяснила ситуацию:

– Сима, мать уволили за пьянку, сидит дома, все пропивает, что под руку попадет. Давай решай: либо ты к нам, либо она к тебе.

Симка выбрала первый вариант.

* * *

...Сырой осенний воздух, пропитанный густым смолистым духом, забил Симкины ноздри еще на трапе самолета.

Пока Сима в растерянности принюхивалась к острому таежному запаху, тетка Наина прижала измученных дорогой беглянок к сердцу и продолжила разговор, начатый по телефону:

– Валька кодироваться не хочет, выглядит плохо. Ты не ругай ее, а попытайся по-хорошему поговорить. Может, тебя послушает.

В краснолицей, распухшей и совершенно беззубой женщине Симка с трудом узнала свою маму. Слезы брызнули из глаз фонтаном.

Сима и сама не знала, что ее больше расстроило: побег от следствия, мужа и любовника или до неузнаваемости изменившаяся мать. Скорее все сразу.

Глядя на Симку, Танечка ударилась в рев, следом всхлипнула бабушка, за бабушкой – тетка Наина. Наревевшись до икоты, женщины утерли носы и устроили совет.

На повестке дня стояло три вопроса:

– работа (домохозяйки на нефтепромыслах – крайняя редкость, а уж счастливые – тем паче);

– жилье;

– детский сад.

С каждым вопросом в отдельности были сложности, а в целом – ворох проблем, которые предстояло решать самим – дядька занемог и вернулся на историческую родину.

Места в детском саду были расписаны на несколько лет вперед – без взятки нечего и соваться, а денег на взятку не было.

С работой не сразу, но повезло: Симка устроилась горничной в ведомственную гостиницу. Удобство в посменной работе было одно, но явное: по очереди с теткой Наиной, у которой был свободный график, сидели с Танечкой.

Только в гостинице Симка поняла, что жизнь прошла мимо.

Голову кружили блеск номеров, галантные мужчины, сорвавшиеся с семейного поводка, и запах нефтедолларов.

Симка с удовлетворением ловила на себе откровенные взгляды, от которых сбивалось дыхание и сердце билось чаще, но в отношения ни с кем не вступала – дала себе слово, что задешево не продается.

Слово свое Симка сдержала, чем не без оснований гордилась.

Прошло чуть больше года, когда на свет появилась вторая дочь – Мария, которую муж Юлий Юн – апологет всего русского – называл не иначе как Маня.

Луноликая Маня обвилась пухлыми ручонками вокруг сердечной сумки отца и повисла на ней, как коала на бамбуке.

Поделив с малышкой власть над мужем-отцом, Симка занялась гнездовитием. Сверяясь с глянцевыми журналами и голливудскими фильмами, наводнила дом немислимыми напольными вазами, больше похожими на метательные предметы, псевдоампиrom и безвкусными картинками в позолоченных багетах.

Люстра должна была поставить композиционную точку в свитом гнезде.

...Высокий потолок в специализированном магазине ощеривался светильниками, люстрами и потолочными бра, как сталактитами, но ничего похожего на икону стиля не наблюдалось.

Глаза разбегались, шея затекла, и что-то раздражающе действовало на нервы, Симка не могла понять – что, пока не наткнулась на пожирающий взгляд. Какой-то абрек, по виду чеченец – рано оперившийся юнец, смотрел с таким огнем в глазах, что у Юн-Ворожко колени подогнулись.

Черт возьми! Быт совсем засосал ее, если она почти забыла эти восхитительные токи, эти нервные покалывания в подушечках пальцев и холод под ложечкой.

Несколько секунд Симка видела свое отражение в черных глазах.

«Наглая рожа». С видом оскорбленного достоинства Серафима отвернулась от парня, чтобы продолжить поиск. Не тут-то было.

Плафоны, подвески, бра и канделябры слились в сплошное искрящееся пятно, Юн-Ворожко ничего не видела – образ невысокого смуглого юноши с опущенными уголками черных глаз, низкими, сросшимися широкими бровями и припухшими темными губами заслонял светильники.

Симка с усилием взяла себя в руки, вернулась к своим сталактитам. Выбирать было ну абсолютно не из чего.

Люстра «Баккара» на двенадцать рожков была подсмотрена в журнале Salon в разделе «Интерьеры». Люстра висела не то в пентхаусе у какого-то крутого адвоката с русскими корнями, не то у Анджелины Джоли в деревенском домике на юго-востоке Англии – не суть. Суть в том, что супруга-почти-что-олигарха Юлия Юна, Симка Юн-Ворожко, хотела в точности такую же, а ей подсовывали какую-то халтуру.

Симка неожиданно выдохлась, потеряла интерес к идеальному интерьеру:

– Может, эта?

Девушка-консультант тут же повязала покупательницу по рукам и ногам:

– Прекрасный выбор! У вас отличный вкус!

Шесть абажуров, соединенных коваными окружностями со стеклянными подвесками, подошли бы скорее для кабака или, в крайнем случае, в сауну, чем в квартиру, а сомнительное смешение стилей и цена оттолкнули бы любого. Только не Симку.

– Николай! – обернулась она в сторону охранника. – Проследи.

Если бы Симка захотела, Николай бы джигу научился танцевать, а уж забрать коробку с люстрой – легко. Охраннику хозяйка нравилась, и он терпел Симкины сумасбродные поручения, хотя это и не входило в его должностные обязанности.

Ящик с люстрой оказался не столько тяжелым, сколько неудобным для переноса. Секьюрити высунулся из магазина и свистнул в помощники водителя Семена.

Вдвоем они дотащили ящик до «тойоты-хайлендер» и под Симкины руководящие указания принялись засовывать его в багажник.

– Осторожно! – сновала вокруг мужчин Симка. – Верх не прижмите!

Ящик не влезал, пришлось сложить сиденья в салоне.

Увлеченная переживаниями за люстру, Симка не заметила, как абрек тихо спустился с крыльца.

– Ассалам алейкум. Помощь нужен?

– Нет, – буркнул Николай, – сами разберемся.

ЮЛИЙ

...Юлий владел куцым отрезком нефтяной трубы и завалившей газовой вышкой, и эта неказистая с виду собственность неплохо его кормила.

Наполовину кореец, наполовину русский, пятидесятитрехлетний бизнесмен проводил время в перелетах между Сеулом, Питером, Москвой и еще парочкой столиц в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Однако счастье поджидало бизнесмена в маленькой сибирской гостинице.

Трудно сказать, какая кровь взыграла, славянская или азиатская, какой своей половиной Юн угодил в Симку, как муха в патоку, но, когда Юлий увидел горничную в номере за уборкой, он на несколько секунд замер, потеряв контроль над челюстью.

В глаза Юну бросился умопомрачительный изгиб Симкиного тела, прикрытого коротким униформным халатом, ноздри защекотал ее запах, и бизнесмен сдался без боя, подставил шею под топор, хотя внешне все выглядело совершенно иначе.

– Простите, – сраженный сексапильностью горничной, глухо произнес бизнесмен.

– Ой, – Симка повернула разгоряченное лицо на стройной шее, сдула со лба прядь волос, – я сейчас, я уже заканчиваю.

Юлий со спокойным достоинством прошел к раздвижному шкафу, достал из кармана пиджака портмоне и церемонно склонил голову:

– Еще раз простите. – Узкие глаза на широком лице смотрели проницательно и ласково.

В облике мужчины – от короткого ежика седых волос, едва уловимого запаха дорогого табака, сдобренного ненавязчивым ароматом терпкой туалетной воды, до наклона головы – все выдавало респектабельность.

– Да, пожалуйста. – Симка отчего-то разволновалась и покраснела.

Пытаясь скрыть волнение, скользнула взглядом по невысокой плотной фигуре на крепких, несколько коротковатых ногах. Волнение только усилилось.

– Серафима, – вслух прочитал на бедже имя горничной Юн. Слегка обветренные губы растянулись в вежливой полуулыбке. – Могу я вас попросить об одолжении?

Русским языком Юлий владел как родным.

– Угу.

– У меня деликатная просьба, – в голосе гостя появились интимные нотки, – как вы отнесетесь, если я приглашу вас на ужин?

– Нет-нет, – в непритворном испуге отшатнулась Симка, – что вы? Нам нельзя.

– Только ужин, – заверил Юн.

– Я останусь без работы и пойду на паперть. – Натасканная администрацией достойно отказывать, Симка довела мастерство до совершенства. В ее устах «нет» звучало почти как «да», но даже записные прилипалы не отваживались домогаться Серафимы. В тяжелых случаях она не брезговала легким шантажом, намекая особо надоедливый на слежку за постояльцами и сбор компромата.

Негромкий голос и мягкие манеры корейского гостя Симе нравились все больше, и уверенность в ней таяла, как пломбир под солнцем. Гость видел, что ему удалось поколебать стойкость девушки, оставалось только незаметно подтолкнуть к расставленным силкам.

– Вы сомневаетесь в себе или во мне?

Симка не повелась на провокацию, но и уличать искусителя не стала.

– У меня будут неприятности, – твердо повторила она.

От сопротивления горничной кровь побежала по жилам быстрее, игра Юлия увлекала все больше.

– Никаких неприятностей, даже намек на неприятности не случится. Гарантирую.

Правила игры Симке были отлично известны.

– Вы не знаете, о чем говорите. У нас даже чихнуть нельзя, чтоб никто не услышал, сразу пойдут разговоры. – В голосе сквозило сожаление.

Зрачки глаз-бойниц сузились.

– Мы не дадим повода, вот увидите. Считайте, что у меня к вам деловое предложение. – Юлий уже воображал, что запустил коготки в жертву, и не мог позволить ей вырваться.

– Смена заканчивается в восемь, – обмирая от схожих чувств, сообщила Серафима.

– Отлично. Буду ждать вас в ресторане внизу. – Искусно сделанная петля затянулась вокруг лапки.

– Только не здесь! – затрепыхалась птичка.

Юлий снисходительно усмехнулся:

– Доверьтесь мне.

Вполне доверяя новому знакомому, Симка залпом осушила бокал с шампанским (во рту пересохло то ли от пыли в номерах, то ли от волнения) и накинулась на мясо под белым соусом, а Юлий осторожно коснулся ее руки и произнес сакраментальную фразу:

– Такие нежные руки не должны держать тряпку.

– Это почему? – Симка усиленно работала челюстями.

– Такая женщина создана для другого. – Ухоженная рука накрыла Симкину ладошку.

– Вы мне что, хотите предложить работу за границей? – прищурилась Симка, готовая расцарапать плоскую физиономию.

– Неужели я похож на подонка, торгующего живым товаром? – удивился бизнесмен.

– А чем вы занимаетесь?

– У меня нефтяной бизнес, подработки мне не нужны.

– А что же вам нужно?

Симка еще раз внимательно посмотрела на Юлия. Этот мелочиться не станет.

– Что мне нужно? – Собеседник выдержал паузу. – Женщина, с которой я провел бы остаток лет. Родная душа. Впрочем, вы еще молоды и, скорее всего, не задумываетесь о таких вещах.

Фразу сопровождал загадочный азиатский взгляд, под которым Сима испытала беспокойство и перестала жевать. Глаза – прикрытые веками темно-карие и распахнутые медовые – встретились.

Симку как током ударило: корейский бизнесмен – вот кто ей нужен.

– Где ее взять, родную душу? – осторожно ступила на незнакомую почву Сима.

Сдержанный кивок и понимающий взгляд были ответом, и эти скупые эмоции тронули душу больше, чем слова.

Неожиданно Симка вспомнила любовника – псевдомачо, обожавшего секс в автомобиле, и грубые ласки мужа, и сердце кольнуло от жалости к себе. «Вы этого достойны», – окончательно убедила себя Сима и тряхнула головой, почти как дива в рекламе L’Oreal.

Напрасно Симка ждала следующей реплики бизнесмена. Юлий воздержался. И воздерживался еще несколько месяцев, ни на чем не настаивая и ничего не обещая.

Симка глотала от обиды и одиночества слезы, кусала губы и продолжала драить полы и унитазы.

...В середине октября лег плотный снег, и сразу стало ясно: это – надолго. До конца жизни.

Снег и холод заползали под одежду, проникали в кровь и убивали любую надежду.

Дома, поскуливая в подушку в бессильной злобе, Симка ворочала в голове, как кубик Рубика, один вопрос: почему? Почему она такая невезучая? Почему одна? Даже старику корейцу не нужна. Почему? Почему?

Будущее представлялось кошмаром в виде гостиничных полов и унитазов.

Единственный человек, кто мог что-то объяснить про эту жизнь, была тетка Наина – обладательница диплома. Правда, это был диплом учителя истории, но у Симки не было и такого.

Работы по специальности в северном городке не оказалось, и Наина решительно поставила точку в преподавательской деятельности, найдя себя в сфере туризма.

Всего на двенадцать лет старше племянницы, Наина, несмотря на одиночество, не заделалась феминисткой, да и к своему одиночеству относилась без драматизма и даже отпускала шутки в духе Верки Сердючки:

– Дурных нэма, воны поженылыся.

Для себя тетка выстроила защитную теорию о том, что замужество убивает интерес к жизни, что самая сильная любовь – платоническая, а лучший мужчина – это недоступный мужчина.

Симка тоже хотела бы вот так, легко и непринужденно заменить физическую любовь на платоническую, но, видно, организмы у них с Наиной были разные.

А этот седой симпатичный кореец – просто крючок, мормышка какая-то. Поймал и держит, а Симу давно уже пора подсекать.

Наина, услышав о корейце, удивилась:

– Зачем он тебе нужен?

– Он надежный и богатый. С ним хорошо и спокойно.

– А любовь?

– При чем здесь любовь? Мне же не двадцать!

– Ну, если любовь ни при чем... Мой тебе совет: не показывай, что ты в нем заинтересована.

– Легко тебе говорить, – сморкаясь в платок, пожаловалась Симка. От мороза у нее приключился насморк, – а если он обидится?

– И флаг ему в руки. Но вообще-то не должен. Он кто у нас? Бизнесмен?

– Да.

– Значит, привык добиваться своего. Ты ему голову поморочь, только не лишай надежды.

– Да это не я, это он меня лишает надежды! – простонала Симка. – И некогда ему добиваться. Он как Юлий Цезарь: пришел, увидел, победил.

– Veni, vidi, vici. В связи с корейцем утверждение спорное. Хотя... Попробуй раскрутить бизнесмена. Поведется – значит, все у него серьезно.

Veni, vidi, vici. Тетке бы сборную России по консумации тренировать.

...Юлий оставался любезным, внимательным – и все!

Почти-что-олигарх просто издевался, приглашал в рестораны, водил на антрепризы стареющих актеров, но все оканчивалось так, как любила Наина, – платонически. Своим поведением Юлий выбивал почву у Симки из-под ног. Ни поцелуев, ни признаний – ничего не следовало за совместными ужинами и посещениями филармонии.

Симку не покидало чувство обманутой вкладчицы. Вклад «Юлий Юн» перевели на депозит без ее согласия.

На приглашение пойти в корейский ресторан Симка уже намеревалась ответить категорическим отказом, но, вспомнив теткины наставления, прикинулась казанской сиротой:

– Не знаю. Наверное, я не смогу пойти с вами.

– У тебя кто-то есть? – быстро спросил Юлий. Бизнесмен-полукровка не был ортодоксальным буддистом и познал ревность как одну из форм страдания.

– Нет, не в этом дело. – Ей показалось или в мимолетном взгляде узких глаз проскользнуло беспокойство?

– Если ребенка не с кем оставить, возьми с собой, – внес предложение Юлий.

– Нет. Просто... Мне не в чем идти в ресторан, – выдавила Симка. Спугнет или не спугнет это признание стареющего мачо?

Мачо оказался не из пугливых.

– Мы сейчас поедem и купим тебе платье, – просто сказал он.

Симка от души надеялась, что платье станет поворотной вехой в их отношениях, но и покупка вечернего наряда ничего не изменила, Юлий после ресторана целомудренно отвез свою спутницу домой.

Не дождавшись поцелуя, Симка вытянула губы трубочкой, ткнулась в тугую, пахнущую морозом и туалетной водой щеку:

– Спасибо за все.

– Пожалуйста. – Странный ухажер вернулся в машину.

Симка ничего не понимала: почему между ними ничего не происходит? В чем дело?

Платье известного французского дома моды было восхитительным. Все вообще было просто чудесно, если бы не молчание ягнят.

...Развод был неизбежен – Юлий не стал себя обманывать.

Решительно и быстро запустив процедуру раздела имущества с прежней супругой, приступил к неторопливому процессу соблазнения гостиничной Золушки.

Юн имел смутное представление о романтике, поэтому строго придерживался навязанных Голливудом церемоний: за неимением Эмпайр-стейт-билдинг в День святого Валентина отвез девушку в местный ресторанчик, а там под Lovestory Поля Мориа преподнес даме сердца букет и кольцо с бриллиантом, как учили, в подарочной упаковке.

К действию прилагался пафосный текст.

– Серафима, – торжественно начал Юлий, но вдруг почувствовал себя глупо и свернул преамбулу, – будь моей женой.

– Наконец-то, – с обидой произнесла будущая Юн и впервые услышала, как Юлий смеется.

После ресторана, в нарушение всех правил, Симка оказалась в гостиничном номере, но уже не в качестве горничной.

В постели пленных и трофеи Симка не брала – не разменивалась.

В какой-то момент Юлия посетила скользкая мыслишка, что Симка – нимфоманка и послана ему судьбой в наказание за похоть. Но мысль улетела в мировое пространство вместе со стонами и всхлипами.

Просветления любовники достигли одновременно и оба рухнули без сил.

– Ты моя стволовая клетка, – прошептал сквозь дрему выпотрошенный и разделанный на куски Юлий.

РУСЛАН

...Ослепительная, как снег в горах Ичкерии, нежная, как цветок дикой сливы, молодая женщина разглядывала светильники под потолком магазина, откинув голову с тяжелым узлом светлых волос и выставив на обозрение нежную и гибкую, как у горлицы, шею. Медленно переходила от одного светильника к другому, поворачивалась, как в танце, то в профиль, то анфас, то затылком.

Руслан глаз оторвать не мог, с замиранием сердца изучал тонкое лицо, давно не видевшее солнца, ушко с переливчатой бриллиантовой каплей в мочке.

В свои девятнадцать Русик Бегоев мало что видел.

Войну видел, разруху, подвалы, трупы, горе и слезы видел, а такую красавицу – впервые.

Внезапное и острое желание дотронуться до Светловолосой – такой невещественной она казалась – испугало Руслана, ноги налились свинцом, он хотел и не мог уйти.

– Что за дешевка? – Недовольный голос девушки звучал музыкой небес.

Красавица придиралась, требовала, возмущалась, а Русик наблюдал за женщиной, как за высшей формой жизни, – с нарастающим изумлением.

– Чего глазеешь, – шикнул на Русика брат Алан, – нам пора.

Руслан вздохнул.

Родственники, везде и всюду родственники. Шагу не дают ступить, учат и учат, будто он не мужчина, а шпинат зеленый.

Руслан поплелся к выходу. Ничего-ничего, придет его время.

Дядя Лечи, мамин брат, конечно, хороший человек и хочет добра семье. Всех собрал возле себя после смерти отца, всем дает работу и крышу над головой, но Руслан взрослый и сам сможет позаботиться о себе.

У него уже есть машина. Старая, правда, но двигатель новый. Вот заработает денег, купит такой же «мерседес», как у дяди Лечи, и женится на этой красавице. Алан от зависти умрет.

– Помощь нужен? – Руслан не заметил, как оказался возле «тойоты».

– Нет, – буркнул спутник красавицы, – сами разберемся.

Руслан его понимал. Если бы у него была такая девушка и если бы кто-то приблизился к ней ближе, чем на расстояние выстрела, он бы, не утруждая себя предупредительным выстрелом, открыл сразу огонь на поражение.

Светловолосая не удостоила взглядом, впорхнула в машину, будто его, Руслана, и не существовало, и укатила с мужчиной. Мужем, наверное.

Бедного Русика Бегоева будто выключили из розетки.

Ничего-ничего, пообещал себе Руслан, у дяди Лечи магазин «Новый свет», а у Руслана Бегоева будет ресторан. Два ресторана... или три... Нет, сеть ресторанов. В Англии. Вот тогда посмотрим, кому достанется Светловолосая.

Русик представил себя на месте дяди Лечи.

Вот он, совсем взрослый, «заслуженный нефтяник», или «заслуженный геолог»... или еще кто-нибудь, но только обязательно заслуженный.

У «заслуженного» большой дом с множеством комнат, в спальне на кровать небрежно наброшена шкура снежного барса. Едва прикрытая шкурой, ждет Светловолосая – его жена. В фиолетовом свете уходящего дня Руслан различил рассыпанные по обнаженным плечам волосы, полные груди с изюминами сосков...

– Руслан! – выдернул из грез голос брата. – Ты почему здесь? Вечно тебя искать приходится. Поехали!

Руслан с удивлением обнаружил себя за воротами магазина.

Стремительно вернулся, сел в «Ниву», сорвал машину с места, точно за ним была погоня, догнал «тойоту» с блондинкой и пошел на обгон, но «тойота» шла на хорошей скорости почти посередине однополосной дороги, и Руслан, сбросив газ, пристроился в хвосте.

– Прижми этого ишака и обгоняй, – завелся брат.

– Не хочу.

«Везет этому урису, такую девушку в жены взял. Я бы на его месте с нее глаз не спустил», – с завистью думал Русик, выворачивая руль.

Руслан любил дорогу. Ровный асфальт убегал под колеса, мысли были легкие, думалось о приятном – о девушках.

Жениться Русiku было рано, да и невесты подходящей не было. Здесь, на севере, его ровесницы уже все заняты, а малышня, вроде племянницы Меланы, Русика не интересовала.

Ничего, у него все впереди. И спереди, как говорит брат Алан.

...Несколько лет Симка была благодарна Юлию за комфорт, стабильность, за спокойную, безбедную жизнь.

Помощница по хозяйству, абрисом напоминающая фрекен Бок, двое детей, особняк, в котором жила семья, поездки на острова Юго-Восточной Азии – Симке ничего не оставалось, как стать редкостью, которую можно показывать за деньги: счастливой домохозяйкой.

Юлий по-прежнему большую часть времени проводил в разъездах, а Симу якорем держали дети. Девочки не отличались здоровьем, болели дружно и продолжительно.

Несколько раз Сима заговаривала с Юлием о переезде в теплый климат, Юлий выступал с ответной просьбой – подождать с переездом – и по каким-то одному ему известным причинам держал семью на севере.

И в один из ничем не примечательных дней Симка заскучала.

Ни подруга Алена – разведенка и оторва, ни походы в ресторан, ни знакомство с заезжими знаменитостями, по большей части старперами, состоящими на пожизненной службе у Мельпомены, не избавляли от скуки.

Симке хотелось любви. Не интрижки, а именно любви.

Большой, настоящей, всепоглощающей, как в романах. Или в кино. Чтобы ради Серафимы Юн-Ворожко мужчина был готов на все. Ну, и она чтобы ради этого мужчины тоже была готова на все. Пожалуй, даже важнее, чтобы она...

Мать двоих детей томилась желаниями перед запертой дверью с табличкой «Любовь», как пленница Синей Бороды. Симка слышала близкое дыхание страсти и даже вела мысленные диалоги с воображаемым возлюбленным.

– Я люблю тебя, – доносился страстный шепот из-за запертой двери.

– И я люблю тебя, – с упоением отвечала Симка.

– Мне ни с кем так хорошо не было.

– И мне.

– Я не могу без тебя.

– И я не могу.

И опять стирка, готовка, сопливые носы и горячее, мучительное ожидание чего-то...

И масса времени на осмысление жизненного пути. Симка с прискорбием подводила итог первому тридцатилетию: два замужества, двое детей и ни одной любви. Хватит с нее. Теперь, когда деньги у нее (ну, у мужа, у мужа!) были, «вместо золота любовь мне подавай», переиначивала Симка песню маминой молодости.

Чуткая Наина улавливала все перемены в настроении племянницы: блуждающая улыбка или недовольно-капризные складки у рта, опрокинутый в себя взгляд наводили на размышления.

– Чего тебя так плющит? – поинтересовалась как-то тетка.

– Не люблю я его, Наина. – Симка села на ладони – ее билась дрожь. Неужели она это произнесла?

– Помнится, ты говорила, что тебе не двадцать и любовь тебя не интересует, – беззлобно напомнила тетка дуре племяшке, – ты хоть понимаешь, как тебе повезло?

– Наина, – пожаловалась дура племяшка, – не могу больше! Тоска жуткая.

– Тоска? Ах ты, маленькая дрянь! – прошептала Наина. – Ты посмотри, в кого ты превратилась!

Симка непроизвольно втянула живот. Замечание было несправедливым и потому обидным. Серафима действительно прибавила в весе, но это ее совсем не портило. Скорее наоборот. Мягкая женственность и округлость некоторых мест ничего, кроме эрекции, у мужа не вызывала, как и у других представителей противоположного пола. Талия, правда, слегка поплыла, но это от скуки. Ей нужна встряска. Взрыв эмоций, полет в астрал, умопомрачительная страсть – все, чего Юлий не мог дать по определению.

– Надоело все.

– На шейпинг запишись и перестань таскаться по кабакам. стыдно людей. Замужняя женщина, тьфу. – В сердцах Наина чуть не плюнула на иранский ковер ручной работы.

Симка обняла тетку, зарылась в плечо:

– Нанка, не пили, и так тошно.

– Тошно тебе? – похлопала племянницу по спине тяжелой рукой Наина. – Прямо Катерина в «Грозе». Тошно тебе от безделья. Возьми в руки книжку, детям почитай, а то ведь мозги тоже жиром заплывли.

– Ой, отстань. – Симка оторвалась от Наины и бросила вороватый взгляд на часы.

– Что, – перехватила взгляд тетушка, – опять куда-то намыливаешься?

– Нан, пятница...

– Тебе-то какая разница? Пятница у тех, кто работал.

Симка вскинулась:

– Я, что ли, не работаю? А кто все это делает? – Рука описала круг.

Что есть, то есть: нигде ни пылинки, ни соринки, ни пятнышка. Это у них в роду.

– Ну да, а твоя фрекен Бок валяется перед телевизором на диване или по магазинам шарится, шмотки покупает, пока ты нормативы по домоводству сдаешь, – проворчала Наина.

– Ты не понимаешь, с утра до вечера одно и то же.

– А кто тебе доктор? Подруга твоя Алена – клейма негде ставить, – продолжала нападать на племянницу тетушка. – Рви отношения, пока не утянула тебя эта потаскуха в пропасть, не подруга она тебе. И так уже по городу слухи поползли. И пить завязывай, а то ведь как мать закончишь.

Валентину несколько раз выводили из запоя под капельницей, и она наконец согласилась на кодирование.

Симка ошетилилась, готовая стоять насмерть за свой образ жизни и свободу от рабского труда домохозяйки. В черед серых, похожих, как листья на дереве, дней Алена была единственной отрадой, спасительным бризом, наполнявшим Симкины поникшие паруса.

Неунывающая и разбитная, Алена вела ночной образ жизни, чего Симка с двоими детьми и мужем при всем желании позволить себе не могла, но иногда, как в эту Пасху, плевала на все и срывалась с якоря.

– Не говори глупостей, в конце концов, я имею право отдохнуть, – мрачно огрызнулась Симка. Это была слабая, чахоточная попытка оправдаться если не перед теткой, то хотя бы перед собой.

– Ну-ну, только потом не жалуйся, – продолжала пророчествовать Наина, – скажи спасибо, что Юлий в отъезде был и не знает, к счастью, что ты отвисала именно в этом кабаке

поганом, в этой клоаке, господи прости, в этом притоне. Как только вас туда занесло? Хотя что это я: самое место для твоей подружки. – Наина вперила в племянницу требовательный взгляд.

Племянница молчала, лисьи глаза затянулись загадочной дымкой.

...В пасхальную ночь Алена придумала зайти в церковь, поставить свечи. Зашли, поставили. Постояли, сколько могли, не вникая в смысл праздничной литургии, вышли из храма со странной ясностью в мыслях.

– Христос воскрес! – расцеловались подружки.

У Симки возникло немотивированное желание вернуться домой, но Алена чуть не обиделась:

– Еще только двенадцать, успеешь домой. Пойдем в «Абакан». Ну?

Некогда респектабельный «Абакан» пережил свои лучшие времена и мало-помалу превратился едва ли не в воровскую малину. Дурная слава «Абакана» возбуждала, щекотала нервы и вносила остроту в серенькую жизнь Серафимы. Именно с ним, с этим притоном, с этой клоакой, как обозвала ресторан Наина, были связаны Симкины альковные мечты.

...Поход оказался судьбоносным.

...Девушки успели сделать заказ – коньяк, шоколад, фрукты, и Симка уже открыла рот, намереваясь подробно описать подружке новую люстру, когда в заведение ввалилась самая настоящая банда – четверо в масках.

Маски с ходу принялись крушить стойку.

Банде никто не препятствовал: охранник у входа где-то потерялся, официантки испарились, бармен скрылся за дверью с табличкой «Служебный вход» – если бы не занятые столики, «Абакан» сошел бы за «Летучего голландца».

Затаив дыхание и стараясь занимать как можно меньше места, гости заведения в страхе наблюдали, как сыпались зеркала и стекла, бутылки в баре выстреливали содержимым, взрывались лампы и подсветки.

В одно мгновение с барной стойкой было покончено, и банда двинулась в зал.

– Все на выход! – раздалась команда, и никто не заставил повторять дважды.

Публика вышла из ступора и ринулась к выходу, хватая и натягивая по пути одежду.

Девушки, трясаясь и поскальзываясь на битых стеклах, накинули куртки и побежали за толпой, и тут Симку схватили за локоть:

– Ассалам алейкум.

Как в дурном сне, Симка в ужасе оглянулась и обнаружила разбойничьего вида парня. И узнала того самого чеченского юношу, чей взгляд в магазине «Новый свет» прожег на ней дыру.

– Суда иди. – От парня исходили токи высокого напряжения. Акцент гипнотизировал.

– К-куда? – икнула Симка, испытывая странную слабость.

– Суда.

Руслан подтолкнул покорную жертву к служебному выходу.

Алена, как приклеенная, следовала за Симкой и абреком. Все вместе оказались в ярко освещенном коридоре с несколькими дверями. Как раз вовремя: улица наполнилась воем милицейских сирен и криками первых жертв.

Из кухни неслись запахи томатной поджарки, мяса и грибов, все странным образом сплелось в Симкином сознании с образом нежданного избавителя, с его упрямым подбородком и черными спокойными глазами.

– Суда, – повторил Руслан и указал на выход.

Конвоируемые Русланом, девушки миновали кухню, вонь пережженного масла осталась позади, в лицо пахнули прозрачные ночные запахи весенней тайги.

По-прежнему икая, Симка добежала до угла двухэтажного здания, в котором располагался приснопамятный кабачок «Абакан», набрала в легкие воздуха – задержала дыхание, не успев выдохнуть, снова уморительно икнула.

– Черт! – простонала Симка.

– Эй, – подпрыгнула Алена, – ты куда?

Оставив девушек, абрек бросился назад, под светящуюся надпись «Служебный вход». И это было так неожиданно, что девушки притихли и в тревожном ожидании уставились на чернеющий дверной проем.

Вынырнул парень так же внезапно, как исчез, только уже с бутылкой минеральной воды:

– Пей.

Симка кинула на спасителя благодарный взгляд и припала к бутылке.

Руслан как зачарованный следил за губами, обхватившими горлышко, шарил жадным взглядом по белеющей в лунном свете шее, по которой медленно сползала капля, и еле справлялся с возбуждением. Его трясло от желания, в горле пересохло.

Симка наконец оторвалась от отдающего химией пластика:

– Спасибо.

– Нэ за што. – Руслан забрал и поднес ко рту бутылку. И закрыл глаза, втягивая ноздрями еще теплый запах Симкиных губ. И зашатался, не справляясь с эмоциями.

Девушки переглянулись: парень производил более чем странное впечатление. Было совершенно непонятно, спасает он их или, напротив, представляет опасность, стоит его бояться или все же не стоит. А если стоит, то в какой мере?

Алена догадалась спросить:

– А ты кто?

– Руслан. – Широкая короткая ладонь утерла рот.

– И кто ты, Руслан?

– Бегоев я.

– Это, конечно, все объясняет, – съязвила Алена.

– А что это было? – с опаской косясь на служебную дверь, поинтересовалась Сима.

– Разборки. Стой здэс, я подгоню машину. – Руслан обращался исключительно и только к Симе.

А Симке, несмотря на недавний страх, дико нравилось, что какие-то интригующие события коснулись ее бледной жизни домохозяйки. Это было похоже на настоящее приключение! Романтическое к тому же.

– Симка, откуда ты его знаешь? – У Алены даже нос вытянулся от любопытства.

– Я? – поразила Сима не столько вопросу, сколько собственному ощущению, что с парнем она давно и близко, почти интимно, знакома. – С чего ты взяла? Я его второй раз вижу.

– Я думала, он тебя изнасилует сейчас, – поделилась наблюдением Алена.

Ответить Сима не успела: рядом притормозила «Нива», из дверей высунулся Руслан:

– Садыс.

Девчонки засуетились, полезли на заднее сиденье, спаситель вернул переднее кресло на исходную позицию, хлопнул дверцей, ударил по газам. Ресторан, милиция, погромщики, паническое бегство и запоздалый страх – все оказалось в прошлом. В настоящем остались: Руслан с его электрическим полем и в опасной близости к этому полю – Сима.

После чудесного спасения от погрома Руслан развез девушек по домам: сначала Алену (это была очевидная глупость, потому что Алена жила дальше Серафимы), потом Симу.

Уже прощаясь, смущенно признался:

– Ты мне еще в магазине понравилась.

Симка подняла брови:

– В магазине? – В груди заныло так сладко, что Симка даже не старалась скрыть удовольствия от комплимента.

– Сразу.

И, не дав Симке опомниться, дрожащий от страсти мальчишка накинудся на нее с поцелуями. Не ответить на такую страсть было негуманно.

– Целоваться ты не умеешь, – коварно усмехнулась Серафима, закусив пылающую нижнюю губу, – нужно вот так.

И показала как...

Это был затяжной прыжок, в котором Симка, конечно, забыла выдернуть кольцо, хотя и выступала в роли инструктора.

...Юлий выбрал тактику невмешательства.

Дома бизнесмен бывал редко и старался, чтобы это присутствие ничем не омрачалось.

Слухи достигали ушей Юлия, но не проникали дальше барабанной перепонки, поскольку от слухов у Юна имелись собственные беруши под грифом «спокойствие дороже». В конце концов, кто не без греха?

Единственное, что требовалось от Симки, – уважение. Уважение не просто к статусу замужней дамы, а к статусу жены почти-что-олигарха.

Симка же плевала на статус, светила в злых местах в обществе известной шалавы. Но и здесь Юлий корил себя.

Разве не он инспирировал все эти походы по заведениям, пристрастил жену к ресторанам? Разве не он выставил Серафиму, как трофей, на обозрение? И потом: что еще делать молодой женщине в богом забытом местечке? Куда здесь сходишь? Бассейн, баня, кинотеатр, три сомнительных кабака и несколько откровенных забегаловок-тошниловок – вот и весь выбор.

Из чувства вины Юлий отпустил поводья, надеясь, что Симка расценит его веротерпимость как проявление любви, а не как слабость.

Однако жену словно подменили.

Сима похудела и необъяснимым образом похорошела – не заметить этого мог только слепой. Юлий слепым не был.

К тому же молодая жена пребывала в состоянии транса. Стоило ее окликнуть – вздрагивала. Настроение у супруги менялось, то на нее нападало загадочное веселье, и она все делала с песнями, то впадала в депрессию. Всегда отзывчивая на ласку, Симка и в постели стала замкнутой.

Какое-то время Юлий списывал все на женские недомогания, но, когда недомогания растянулись на несколько месяцев, супруг поинтересовался:

– Серафима, ты, случайно, не беременна?

Симка со странным блеском в глазах кивнула:

– Беременна.

Не уточнила только от кого.

...Симка просто сгорала от любви. Без чада и копоты, чистым пламенем. Казалось, еще немного, и мать двоих детей превратится в кучку пепла, которую можно будет развеять над тайгой в назидание легкомысленным домохозяйкам.

Полгода она провела в диком нервном напряжении, крутилась, как цирковая собачка, чтобы удержать все: дом, детей, мужа и Руслана – этого ревнивого джигита, отца будущего ребенка.

Настроение скакало, мысли прыгали, и в том пограничном состоянии, в котором Симка находилась, ей открылся темный смысл выражения «сходить с ума от любви».

Симка сбросила все лишние благоприобретенные килограммы, стала стройной, как девочка, в глазах же, наоборот, прибавилось новое выражение, беспокойное, даже мученическое, будто Симка знала, что окончит свой грешный путь на искупляющем костре, готовилась к страданиям, но держала это втайне даже от себя.

Страдания не заставили себя ждать.

Начало положила Наина – в зависимости от ситуации наперсница, жилетка, оппонент или гуру:

– Симка, какая же ты дура! Руслан никогда не женится на тебе. Могу поспорить, что родственники не допустят этого брака. – Это была попытка номер один открыть племяннице глаза.

– Это мы еще посмотрим, – с невесть откуда взявшимся оптимизмом возразила Серафима.

– Где ты видела, чтобы хоть у одного из них была русская жена? Любовница – пожалуйста, сколько хочешь, но только не жена.

– Может, на ком-то и не женятся, а на мне – женятся. Русик меня любит. Ты не представляешь, как он меня любит!

– Ну да! Обожает! Берет за хвост и провожает.

– Я рожу ему ребенка, – защищалась Симка, – и никуда он не денется.

– А ему и не нужно никуда деваться, эта интрижка только поднимет его рейтинг.

Симка хихикнула:

– Что поднимет? Рейтинг? Надеюсь, это орган такой?

– Смейся, смейся. Не сегодня завтра придется тебе искать место на карте.

– В каком смысле?

– А как ты здесь жить будешь, когда он тебя бросит?

– Руслан меня не бросит!

– Сима, тебя не примет диаспора. Как тебе такой поворот дела?

– Руслан не позволит никому вмешиваться! Он гордый! – упиралась рогами и всеми копытами Симка.

– Все они гордые, пока деньги есть. Даже если вы чудом поженитесь, – упорствовала Наина, – какая жизнь тебя ждет? Он мусульманин. Ты – православная. Ничего хорошего не выйдет из такого брака, он будет соблюдать свои традиции, если ты будешь возражать – это конец. Если не будешь возражать – он тебя ассимилирует.

– Это как?

– Уподобит себе. Поглотит.

– Что же в этом плохого? – не понимала Симка, и без того поглощенная, и без того готовая уподобиться и раствориться в любимом без остатка, – муж и жена – одна сатана. – Он мне уподобится, а я – ему.

– В том-то и дело, что чеченцы не уподобляются никому. Армяне, грузины, даже азербайджанцы – пожалуйста, а чеченцы – нет. У них все решают ста-рей-шины, – втолковывала безмозглой племяннице Наина, – твой Руслан не сможет послушаться, потому что одиночки в чужой стране не выживают. Если диаспора отвернется от Руслана, а она отвернется, помани мое слово, он сбежит от тебя.

– Нанка, ты преувеличиваешь. Зачем Русику диаспора? У него есть я. У меня есть он. Нам никто не нужен.

– Симка, сколько тебе лет?

– Двадцать девять. – Симка настолько уподобилась любимому, что не сразу вспомнила про свой возраст.

– А рассуждаешь как дитя малое. Твой герой – он вовсе не герой. Он не принесет себя в жертву – И не надо! Мне не нужна жертва.

– Без крови все равно не обойдется, – пообещала Наина.

Разговор повторялся с завидной регулярностью, но попытка четыреста девяносто восемь, как и попытка номер один, результатов не принесла.

Симка не слышала ни одного аргумента в пользу здравого смысла. Она прислушивалась только к голосу сердца. А что могло сказать глупое Симкино сердце, если оно забывало свои прямые обязанности, начинало скакать от звуков лезгинки на телефоне, подкатывало к горлу, услышав в мембране голос с резким акцентом, катилось в пятки от сдвинутых бровей любимого и частило от его улыбки. Давний совет Наины – не показывать мужчине свою заинтересованность – был выброшен, как прошлогодняя газета.

Зачем ей советы, если в голубом свете полярной ночи любовник пил из Симки, как из святого ключа, и не мог напиться, не отрывая губ, шептал:

– Какая ты красивая.

– Любимый, – беззвучно шевелила губами в ответ Симка, – у нас будут красивые дети.

– Да, – вторил Руслан.

– Я не смогу без тебя.

– И я не смогу, – обещал любимый.

Вокруг сжимался круг ненавистников и недоброжелателей, уже давал о себе знать запах инквизиторского костра, но Симка пребывала в состоянии стойкой эйфории и ничего не слышала, не видела, ничему не внимала.

Симка написала легенду о Руслане и Серафиме, нет, о Серафиме и Руслане – так будет верней. Подбирала краски, вплетала в узор украшения. Их легенда затмит все легенды о вечной любви. История Ромео и Джульетты, Лауры и Петрарки, Шереметева и Ковалевой-Жемчуговой – чих в мировом пространстве в сравнении с их историей.

– Русик, я беременна, – с сияющими глазами оповестила любимого Симка.

– Хорошо, – рассудил Руслан, – будет сын.

– А если дочь?

– Нет, сын.

– Дочь!

– Сын! Молчи, женщина!

«Молчи, женщина». Слова эти приводили Серафиму в трепет. Неведомые древние инстинкты просыпались в глубинах сознания, и слабая Симка с восторгом, граничащим с религиозным, сдавалась на милость победителя.

– А как назовем?

– Султан, как отца.

– Хорошо, – с мечтательной улыбкой покорила Симка. – А девочку?

– Мадина. Как маму, – надулся будущий отец.

– Красиво, согласилась Сима.

...Несколько раз за день любовники созванивались, и Симка не выпускала из рук телефон или, в крайнем случае, носила в кармане домашних брюк, халата или фартука.

В тот ничем не примечательный день, как на грех, трубку Сима вынуть из кармана забыла и бросила домашние брюки в стиральную машинку. Потом отвлеклась на что-то и в суматохе не включила режим стирки. Эта рассеянность и положила конец лжи.

По закону подлости Руслан позвонил в тот момент, когда в ванной находился Юлий.

Услышав звуки лезгинки из стиральной машинки, Юлий несказанно удивился, открыл дверцу и нашарил трубку. С дисплея на Юлия смотрело фото молодого кавказца – любовь не всегда изобретательна.

Скорее механически, чем умышленно Юлий нажал кнопку приема и поднес телефон к уху.

– Привет. Любимая, ты чем занимаешься? – опередил Юлия мужской голос с сильным южным акцентом.

Юлий продолжал молчать, осмысливая случившееся. Ошиблись номером? Или не ошиблись? Сомнения развеял неизвестный абонент:

– Серафима, але?

Юлий нажал отбой, неторопливо надел халат. Факт супружеской неверности налицо. Сам по себе факт малоприятный, но с точки зрения раздела имущества он, как собственник отрезка трубы и газовой вышки, абсолютно защищен – все было в его собственности задолго до брака с Серафимой Ворожко. Здесь ему беспокоиться не о чем. Дочь – вот о ком следовало подумать. Отнимать ее у матери или нет? Да или нет?

За решением Юлий отправился в детскую.

Девочки спали.

То ли от присутствия отца, то ли от предчувствия, что сейчас решается ее судьба, Маня позвала во сне единоутробную сестру. Этот сонный шепот все и решил. Дочь, по всей видимости, не захочет расставаться с Танечкой.

Постояв у Машиной кровати, отец погасил ночник и пошел на мягкий свет, льющийся из кухни.

Юлий любил этот эклектичный дом и ничего не имел против люстры с шестью абажурами и ковкой с подвесками, скорее наоборот – считал смелым решением. Ничего не имел против кожаного дивана в ретростиле, с высокой резной спинкой и подставкой для слоников в сочетании с ультрасовременным стеклянным круглым столом, за которым сидела жена и с аппетитом жевала лимон. Да и против жены Юлий ничего не имел.

Симка, несмотря на экстремизм в выборе деталей, сумела создать пространство, куда с удовольствием возвращался ее муж. Особенно острое ощущение дома приходило зимой, когда за окнами стоял мороз с туманом и плевков со стуком падал на землю, успев заледенеть на лету.

– Привет. – Выражение задумчивости все еще сохранялось на лице Юлия, когда он остановился в проеме.

Предъявлять претензии? Устраивать сцену? Выгонять с детьми на мороз?

Эксцентричность была не в характере Юна. К тому же существовало одно обстоятельство... Обстоятельство по имени Евгения.

С Евгенией Юлий познакомился в самолете. Признаться, на такую легкую победу даже не рассчитывал. Женщина оказалась с изюминкой, почти как Симка в самом начале их отношений...

Все-таки чертовски неприятно. Почему чувства проходят? Облачаются в слова и куда-то исчезают. Куда? В какую черную дыру? Или геоинформационное пространство чистит себя таким образом? Может быть, секрет состоит в том, чтобы хранить чувства в тайне? Ведь сколько их, превратившихся в пустой звук, болтается в воздушном океане космическим мусором...

– Сима, это его ребенок?

За минуту до этого Симка не моргнув глазом ела лимон, а тут свело челюсти.

Повисло нездоровое молчание, из которого был только один выход – в такой же нездоровый разговор. Сима не могла заставить себя посмотреть на мужа.

– Ты можешь жить здесь, если захочешь, – убил великодушием Юн.

Войны не будет, поняла Сима, можно выговаривать условия.

...Очередное свидание превратилось в совет в Филях.

Строили планы, решали, что делать и куда уехать. Уехать хотелось немедленно, сию минуту, забрать девчонок и бежать из опостылевшего городишки, от бесконечной зимы, от

косых взглядов и всеобщего презрения – Симка превратилась в предмет сплетен и насмешек, почти как Моника Левински, которая считала оральный секс ухаживанием.

Неожиданней всего оказалась реакция Алены.

– Все. У меня больше нет подруги, – бросила в лицо Серафиме та. – Ты – предательница.

– Что?! – опешила «предательница». В этом городе сумасшествие передается воздушно-капельным путем.

– Ты предала наших парней, которые остались лежать там в горах. Или в плену.

– Чушь какая! – Симка оглохла от обвинительного пафоса, перестала соображать.

При чем здесь парни? Кого она предала? Значит, войне есть оправдание, а любви нет? Значит, лучше воевать, чем любить?

Чтобы не разрыдаться на радость подруге, Симка побежала.

...Теперь, согревая душу, как обиженный ребенок, обвилась вокруг любимого:

– Давай уедем в Пятигорск.

– Почему в Пятигорск?

– Не знаю, была там в детстве, там природа красивая.

– Лучше в Махачкалу.

– Почему в Махачкалу?

– Там ближе к моим.

– Зачем тебе твои? – В голосе зазвучали ревнивые нотки.

– Ну, так...

– Нам никто не нужен, – поставила жирную точку Сима, – лучше давай уедем в Краснодарский край.

– Хорошо, – уступил Руслан.

Холодная муниципальная гостиница в районном центре, где укрывались от любопытных глаз любовники, внезапно показалась отвратительной ночлежкой, плечи затряслись. Симка спряталась в подушку.

– Не плачь, – попытался утешить любимую Руслан, – все будет хорошо.

– Руслан, ты не обманешь меня?

– Нет, конечно.

– Поклянись.

– Клянусь мамой.

МАДИНА

...Боль в ноге, хирург, четырехчасовая операция – все было задвинуто в дальний угол памяти.

– Слышишь меня? Открой глаза, – тряс Антон бесчувственную роженицу.

Не хватает только девочку в соседней комнате разбудить. Проснется, увидит мать, поднимет вой... Ему тогда вообще крышка.

Симка открыла глаза, подернутые мутью, всмотрелась и поморщилась – с трудом, но узнала в незнакомце соседа:

– Антон? – Посиневшие губы плохо слушались.

– Антон, – мрачно подтвердил тот, дождавшись, когда взгляд соседки станет осмысленным, – теперь вот что, сестренка, еще раз отключишься – дети останутся сиротами.

Дети. Сироты. Слова не имели никакого смысла. Какие дети? Какие сироты? Боль вытравила из памяти все чувства и привязанности.

– У-у-у, – в ответ глухо простонала Сима.

Сил кричать не было. Как, собственно, и сил жить.

Неожиданное прояснение в памяти причинило другую острую боль: дети... Как же это? Она не может их оставить. А Руслан? Он приедет, а ее не будет? Нет-нет, этого никак нельзя допустить. Никак.

– Мане кисель сварить не успела. Она так любит. – Горячие слезы побежали по вискам, теплые и липкие, они затекли даже под спину. Как много слез. Она уже вся мокрая...

– Епэрэсэтэ! – рявкнул Антон. На светлом кожаном диване, куда он перетащил бесчувственную Симку – та еще была военная операция, не для слабонервных – угрожающе расплылось кровавое пятно.

Симку клонило в сон.

– Открой глаза, дыши, – командовал властный голос, мешая спать.

Какой умный. Попробовал бы не спать, когда глаза сами закрываются. И больно. Мысли опять стали путаться, Сима стремительно теряла силы.

– Не спать, не спать! Смотри на меня! – рычал Антон, набирая 03.

Откуда он взялся на ее голову? Кто дал ему право командовать? Вот приедет Руслан...

– У нее кровотечение, – рычание соседа слышалось, как сквозь вату, – где машина, мать вашу?

– М-м-м-м, – стиснув зубы, промычала несчастная мать-одиночка и потеряла сознание.

Антон ненавидел себя за это бессилие, смотрел на зловещую темно-вишневую лужу, выползающую из-под Серафимы, и вспоминал: промедол при ранении и жгут выше раны. А что делать в этом случае? Какой тут жгут, к едрене фене? Может, поднять повыше ноги Симе? Подушку подсунуть? Где эта скорая, черт бы все побрал!

Руки противно дрожали. Что еще он может сделать? Что? Смириться с тем, что две жизни уходят вот так, беспрепятственно, у него на глазах – за что это ему? Антон опустился на пол рядом с диваном, испачканные в родовой крови ладони сдавили готовый взорваться череп. Если только Ты есть, Господи...

Очнулся Антон, когда люди в белых халатах заполонили комнату.

– Мужчина, вы меня слышите? – вопрошала врач-реаниматолог. – Где карта?

На лице Квасова читалась напряженная работа мысли: карты бывают географическими, топографическими, игральными... и еще какими-то... «Медицинскими», – выручила память.

– Н-не знаю, – расстроился Антон.

Шапочка и маска скрывали лицо медички, халат – фигуру. Антон видел только глаза, как в прорези никаба. Глаза выдавали зрелость.

– Поищите на зеркале, в спальне, на книжных полках. Обычно их кладут куда-то недалеко. – Глаза между чепцом и повязкой отследили брошенную в прихожей, так и не собранную сумку. – Что в сумке?

– Да, – Антон вспомнил, – Сима собиралась в больницу.

Карта – затрапезная общая тетрадь – нашлась в сумке среди каких-то воздушных, легкомысленных вещичек, похожих на пенюар. А может, и не пенюар – просто Антон других названий женской одежды не помнил, хоть убей. Впрочем, кажется, еще кофты у них бывают.

«Юн-Ворожко» – успел прочитать на обложке.

– Жена завтракала? – донеслось до Антона, и он для верности решил уточнить.

– Чья жена завтракала?

– Ваша жена позавтракать успела? – терпеливо переспросил никаб, пока Симе что-то кололи.

– Я не видел.

– Кислород, – коротко произнесла медичка, пролистав карту, – вторая положительная.

Прозвучало слово «кесарить», Антон не успел опомниться, как истекающую кровью Симу уложили боком на каталку и вывезли на лестничную площадку.

Профессионально, быстро и слаженно вкатили в грузовой лифт, к счастью работающий.

Пока Квасов спускался в пассажирской кабине, Симу уже загрузили в реанимобиль.

– Куда везем? – высунулся водитель.

– В третий роддом, – садясь в кабину, бросила докторша.

Тормозя на лежащих полицейских, маневрируя между припаркованными авто и детскими площадками, скорая миновала двор, включила сирену и вырвалась на проезжую часть.

Антон провожал проблесковые маячки с чувством, что отправил на вертушке в госпиталь «груз-300».

«Довезут – не доведут, – пульсировало в висках, – доведут, и не таких довозили», – уговаривал себя Квасов, однако уговоров хватало ненадолго.

Совершенно опустошенный, вернулся на девятый этаж, отказавшись от мысли заскочить домой (схватка с собой была короткой и беспощадной) и «поправиться» – из-за ребенка и тетки, которой Антону предстояло сдавать вахту.

Разбросанные вещи, разъявленная пасть сумки, тишина и настороженность в каждом углу встретили Антона.

С того момента, как они с соседкой поднялись в ее квартиру, казалось, прошла вечность – при такой напряженности событий день идет за три, как на войне. Он и чувствовал себя как после боя. Вот уж никогда не думал, что случайные свидетели родов получают почти боевой стресс. Впрочем, стыдливое «почти» можно смело упустить.

Смазанные кровавые потеки на диване уже потемнели и запеклись, и Антону пришло в голову, что Симиная дочь вряд ли обрадуется, увидев эту постапокалипсическую картину.

В нем самом кровь будила не самые приятные воспоминания о других событиях и других обстоятельствах. Пограничное состояние психики, посттравматический синдром УБД (участника боевых действий) – в пухлой медицинской карте Антона тоже имелись особые отметки.

Собственно, эти малопонятные, как древние письмена, небрежные закорючки и отняли надежду на регулярный секс, вшивенькую должность при каком-нибудь занюханном филиале Газпрома и солидный счет в банке.

Если серьезно, в начале карьеры Антон строил планы о работе в управлении Генштаба, а тут – получи, Антон Васильевич, фугас.

После ранения все пошло вкривь и вкось. Мечты о престижной работе пришлось похоронить.

Старую не вернуть (Квасов даже на минуту не мог представить себя в редакции, ваяющим нетленку для очередного номера), а с новой не получилось. И теперь капитан Квасов охранник в гаражном кооперативе – вот все, что ему обломилось.

Вовка Чиж как-то подогнал место начальника охраны в банке, но Антона и туда не взяли: оранжерейных банкиров отпугнуло пограничное состояние психики кандидата.

...Найдя в ванной щетку и тряпку, Квасов оттер загустевшие потеки с дивана и с пола.

Пятна на ковре оттираться не желали, и, повозив для очистки совести щеткой, Антон оставил попытки.

С подушкой дело обстояло еще хуже, как ее реанимировать, Антон не имел понятия и на всякий случай унес подальше от детских глаз – на балкон.

Еще несколько минут ушло на то, чтобы придать квартире первоначальный бесстрастный вид: убрать из прихожей сумку, чем-то напоминавшую тревожный чемоданчик, и, наоборот, выставить в прихожую тапки. Беспорядочно выдвинутые стулья от большого обеденного стола – их Антон с неожиданным педантизмом тоже вернул на место.

Покончив с этим, Квасов понял, что умрет, если не выпьет пива.

Холодного, плотного, пенистого – Антон чуть не застонал, представив запотевшую бутылку. Это ж надо так вляпаться...

Тоскливый взгляд описал круг по светлой гостиной.

Позвонить бы этой сменнице, тетке Юн-Ворожке, но как? Где найти номер телефона?

Наплевав на условности, Квасов пролистал от начала до конца записную книжку, прикнувшуюся на комод в прихожей. Чужая записная книжка напоминала братскую могилу. Как ни напрягал зрение Антон, в наспах нацарапанных детской рукой кривых, приплясывающих, неуверенных строчках не попадались ни «Наина», ни «тетя», ни «тетка», ни «родственница».

Положение становилось отчаянным. Почему от него все время требуются какие-то нечеловеческие жертвы?

Если уж ни покурить, ни выпить этим утром не судьба, то хотя бы чаю в этом доме можно выпить?!

С решимостью человека, которому нечего терять, Антон покинул балкон, вошел на кухню и забыл, зачем пришел.

Модерновая Küche поражала воображение. Никакого сравнения с его убогим, допотопным камбузом.

Но главное – где искать чашки, было совершенно непонятно: вдоль стен тянулись глухие, поблескивающие металлом и стеклом фасады шкафов, которые вкупе с хирургической чистотой создавали впечатление операционной и останавливали на пороге. Страшно было осквернить святилище. Антон все же рискнул. Не подышать же, в самом деле, от жажды – такого уговора не было. Был уговор посидеть с ребенком. А чтобы сидеть, нужно быть как минимум живым. Как максимум – здоровым.

В шкафчике над мойкой чашек не оказалось – вот и верь после этого мифу о том, что во всех кухнях вещи находятся примерно на одних и тех же местах.

Методом тыка с третьей попытки Антон обнаружил хрупкий фарфор, от которого веяло стариной. Пить чай из такой посуды – то же, что палить из пушки по воробьям. Раз десять наливать придется. Прямо хоть иди за кружкой домой.

Идти не пришлось.

Сиротскую кружку с претенциозной гравировкой «Серафиме от Руслана» Антон обнаружил в буфете, рядом с детскими поделками из бисера и глины, из чего сделал вывод, что кружкой не пользовались – это был сувенир из разряда дорогих сердцу.

От красного бокала, от золотой гравировки за версту несло безвкусицей и безнадежной любовью. Такие безделицы дарят девочкам прыщавые одноклассники.

Квасов хмыкнул и с мстительным удовлетворением снял сувенир с почетного места.

Отыскал в шкафчике пачку чая и ругнулся: чай и тот не могли купить человеческий, обязательно с выходом из-за печки – с бергамотом!

Залил пакетик кипятком, подумал, бросил еще один (гулять так гулять!) и сбежал из этого рая концептуальных домохозяек на балкон.

Только под завязку налившись чаем, Антон смог вернуться к событиям этого кошмарного во всех отношениях утра, героиня которого должна была либо уже разрешиться от бремени, либо...

Беспокойство о соседке с новой силой придавило Квасова, Антон узнал по справке и набрал номер третьего родильного дома.

– Скажите, как там Юн-Ворожко? – приглушив голос, поинтересовался в регистратуре.

– Минуту.

В долю секунды беспокойство переросло в страх, страх змеей прополз по спине, окольцевал и сдавил грудь.

– Операция еще идет, – через длинную паузу доложила трубка.

Антон провел языком по пересохшим губам.

Интересно, юн-ворожковского мужа сейчас, в эти минуты, не одолевают дурные предчувствия или тревога? Может, мужик места себе не находит, мечется, ищет телефон, продает душу за звонок?

Глава семейства, а болтается где-то, зная, что жене вот-вот родить...

Вот ведь урод! Работа у него, видите ли. Какая работа может быть настолько важной? Не в космосе же папаша?

Может, на нарах прохлаждается... Так-так-так. Вот почему не приехал к родам! Во всяком случае, это единственное, что может служить оправданием.

Антон вздохнул: какая разница, чем занимается этот мужик. Гораздо важней, что он, Антон Квасов, охраняет гаражи.

Сдержанные всхлипы донеслись откуда-то из глубины квартиры и оторвали Антона от мрачных дум.

Плач недвусмысленно говорил о том, что пятилетняя Маня обнаружила чужого дядьку в доме и, как следовало ожидать, испугалась. Епэрэсэтэ.

Квасов с балкона обшарил глазами комнату, выглянул в коридор – никого. Плач просачивался из комнаты справа.

Неслышно подойдя, Антон замер перед дверью.

Вот чего тебе, Антон Васильевич, для полноты чувств не хватало, так это с утра на хмельную голову заводить дружбу с маленькими девочками.

Костеря себя, чужих детей вообще и эту конкретную девочку в частности, Антон толкнул дверь.

В цветной пижаме, босиком, средняя дочь Серафимы Юн-Ворожко сидела в постели, прижимала в груди маленькую плюшевую обезьянку и утирала ладошками безутешные слезы. Черные волосы доставали до плеч, из-под челки на Антона смотрели несчастные раскосые глаза. Чистый ангел.

Не стоит заблуждаться, напомнил себе Антон: если дать слабину, это с виду невинное создание способно отравить существование любому самому геройскому парню. Например, прорыдать весь день. Не пальцем он деланный, кое-что о таких злодейских ангелочках знает. Едва подумав об этом, Квасов тут же почувствовал себя заложником. Эх, была не была!

– Чего ревом? – Из соображений безопасности Антон напустил строгости.

– А ты кто? – Глаза с застрявшими в ресницах слезами максимально распахнулись.

– Сосед ваш.

– А как тебя звать?

– Антон. Дядя Антон, – внес ясность Квасов.
– А меня Маня.
– Тоже неплохо, – утешил девочку дядя Антон.
– А где мама? – Босая ножка с растопыренными розовыми подушечками на пальцах качнулась, за ней последовала вторая.
– В больнице.
– Почему? – Амплитуда раскачивания розовых подушечек возросла.
– Поехала за сестричкой или братиком.
– У нас будет сестричка, – похвасталась Маня, и к раскачивающимся ногам подключилась улыбка. – А ты красивый.

Квасов думал, что ослышался.

– Красивый? – с некоторой долей беспокойства переспросил он: все-таки не в спа-салоне ночь провел.

– Очень, – серьезно подтвердила девочка, – похож на ковбоя из бродилки.

Это все объясняло.

– Слушай, а ты не знаешь телефон вашей тети? – осенило Квасова. Пора было брать судьбу в свои руки и приближать радостный момент освобождения из заложников.

– Бабушки Наины?

Вот до чего он не допетрил: поискать в блокноте позывной «Бабушка».

– Точно, – с досадой протянул Антон, – бабушки Наины.

Маня спрыгнула с кровати и с готовностью сообщила:

– Знаю. Пошли звонить. А что у тебя с ногой? Почему ты хромаешь? – засыпала девочка вопросами Антона, как только он затопал вслед за ней к телефону.

– В аварию попал, – буркнул Квасов.

– Большую? – Маня уважала все большое.

– Мне хватило.

Под диктовку набрал номер юн-ворожковской родственницы и стал ждать.

– Здравствуйте, я сосед Серафимы, – произнес Антон, когда в трубке раздалось сонное «алло». Квасов почему-то представил себе толстую одинокую каракатицу, у которой никого нет ближе пузатой Серафимы и двух девчонок.

– Да? Что случилось? – Подозрительно молодой, низкий голос насторожился.

– Симу увезли в роддом.

– Ей же еще рано! – заволновалась бабушка. – Что случилось?

Антон молчал, обдумывал ответ. Не хватало еще пуститься в описание красочных подробностей преждевременных родов с осложнением.

– Все в порядке, – успокоил он Наину, хотя сам многое бы дал, чтобы это было правдой.

– Вы дождетесь меня?

– Долго ждать?

– Не больше часа, – пообещала бабушка Наина, и Антону ничего не оставалось, как согласиться.

– Хочу кашу, – сообщила злодейская Маня, как только Антон простился с теткой Серафимы.

В течение следующего полчаса Квасов топтался по чужой неприступной кухне, готовил чужому ребенку завтрак и тихо себе удивлялся: как это могло случиться, чтобы он, герой кампании 1996 года, боевой офицер, капитан в отставке, занимался такими глупостями?

С приходом «бабушки» сюрпризы продолжились.

Несмотря на ранний час, юн-ворожковская тетка выглядела так, точно провела несколько часов в косметическом салоне. Это был многолетний уход, и он просто лез в глаза: маникюр, сияющая кожа и необычный, холодный оттенок светло-русых волос.

Женщина с неприкрытым недоверием отнеслась к соседу племянницы, обнюхивала, сканировала взглядом, так что Антон поспешил убраться.

Второй раз в роддом Квасов звонил уже из дома – при «бабушке», оказавшейся на несколько лет старше самого Антона, ни капли не похожей на каракатицу, звонить и наводить справки не хотелось.

Когда дозвонился, мать и ребенок – девочка, три килограмма сто граммов, пятьдесят один сантиметр – были уже вне опасности.

Был повод выпить!

...А через два дня, трезвый как стекло, Квасов приперся в роддом.

В результате серии расширенных консультаций с продавщицами супермаркета с этой целью были куплены йогурты и сырки.

Перед окошком регистратуры вилась очередь, и Антон обратился к пробегающему мимо молодому мужчине в белом халате и шапочке.

– Слушай, друг, тут мамаша одна лежит, ей нужно передать вот это. – Квасов встряхнул пакет.

– Кому? – на бегу задал вопрос мужчина, прощупывая Антона цепким взглядом.

– Юн-Ворожко. Только не знаю, в какой палате.

– Юн-Ворожко, говоришь? – Собеседник притормозил.

– Так точно.

– Иди за мной, – велел мужчина и устремился вверх по лестнице на второй этаж, а там – по унылому коридору к двери с табличкой «Ординаторская».

Мужчина оказался лечащим врачом Симы и, как врач, видел свой долг в том, чтобы вынести Квасову мозг.

– Папаша, ты понимаешь, что едва не потерял жену? Непростительная безответственность! – тут же обвинил Антона доктор, предварительно заведя в кабинет и усадив напротив.

Квасов сразу завязался в узел: обнял себя за локти, закинул ногу на ногу, отвел глаза, настоятельно рекомендуя себе не заводиться, потому что док ни при чем. Потому что откуда эскулапу знать, что «папаша» – никакой не папаша, и не любовник, и не седьмая вода на киселе, и даже не двоюродный плетень нашему тыну. Всего лишь условный (весьма и весьма условный!) сосед.

Не сорвись, уговаривал себя Квасов, если ты сорвешься, случится еще один тривиальный привод за административное нарушение. И где? В роддоме...

– Дефицит железа – это вам не насморк вульгарный! – горячился док. – С таким диагнозом на сохранение ложиться надо, а не ремонтом заниматься. Вот и результат – преждевременные роды, маточное кровотечение.

– Виноват. – Раскаяние вырвалось у Антона непроизвольно.

– Виноват, исправлюсь?

Видимо, выглядел Колосов совсем уж жалко, потому что настроение у доктора переменялось, взгляд потеплел. Он достал из шкафа колбу с притертой пробкой и два мерных стаканчика, четким движением отмерил по пятьдесят граммов и примирительно улыбнулся:

– Будем надеяться, что все обойдется. Вовремя успели, счет шел на минуты. Кто-то из вас под счастливой звездой родился. Давай за здоровье матери и ребенка. Аркадий, – спохватился док и протянул сильную ладонь с длинными, как у пианиста, пальцами.

– Антон, – ответил на крепкое пожатие Квасов.

Они воссоединили стаканы и опрокинули содержимое. Горло обожгло неразведенным спиртом, Квасов крикнул, а док осклабился:

– Торкнуло?

– Торкнуло, – выдохнул Антон.

– Я смотрю, ты мужик нормальный, – из чего-то заключил Аркадий, – береги ее, ей тяжести поднимать нельзя с полгодика.

Одним натренированным движением док собрал улики, спрятал в стол, достал и разломал закуску – плитку горького шоколада.

– Мы не женаты, – ответил Квасов, заедая выпитое. Щемящее чувство утраты, прежде не испытанное, сдавило грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.